

НЕ ОУТРАТЬ СЕДИНОУ
 БѢДЪ ЖИВЪ
 ЧЕЛОВѢКЪ

КОМУ ЦЕРКОВЬ НЕ
 МАТЬ ТОМУ
 БОГЪ НЕ ОТЕЦЪ

ЦЕРКОВНОЕ СЛОВО

ИЗДАНИЕ

БРАТСТВА ВСЕМНОСТИВОВА
 СВ. СТЕФАНА
 ПЕРВОГО

СВ. СТЕФАНА
 ПЕРВОГО

СВ. СТЕФАНА
 ПЕРВОГО

Цѣна съ перес.
 за годъ 2 руб.,
 за 3 мѣсяца
 50 коп.
 Цѣна отд. № 5 н.

№ 126
 (Апрѣль).
 1909.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ
 ВЪ РЕДАКЦИИ
 Вологодскихъ Епархіаль-
 ныхъ Вѣдомостей
 И ВЪ КАНЦЕЛЯРИИ
 ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВА
 ЕПИСКОПА ВОЛОГОДСКАГО.

СОДЕРЖАНІЕ: Слова наши должны поступать происходить не отъ страсти, но отъ разума.—Черезъ многословіе впадаемъ во многоразличныя бѣдствія.—Стойте въ вѣрѣ, мужайтесь. *Иером. Неофита*.—Чѣмъ жива наша русская православная душа. *Икона, Епископа Вологодскаго и Тотемскаго*.—Отецъ Теофанъ. (Воспоминанія).*.*—Изъ наставленія Преподобныя Федоры сыну своему. *Н. К.*

Прилагается къ Вслог. Епарх. Вѣдомостямъ БЕЗПЛАТНО.

СЛОВА НАШИ ДОЛЖЕНСТВУЮТЪ ПРОИСХОДИТЬ НЕ ОТЪ СТРАСТИ, НО ОТЪ РАЗУМА.

то сіе наблюдаетъ, тотъ бываетъ тихъ, кротокъ, умѣренъ. Храняй бо свои уста, и воздерживаяй свой языкъ не прежде глаголетъ, нежели разсудить и изслѣдуетъ свои слова, надлежитъ ли и время ли ему глаголати сіе или противъ сего,—и конечно поучается умѣренности, кротости и терпѣнію. Ибо въ рѣчь вступаетъ не отъ негодованія и гнѣва; въ разглагольствіи не подаетъ знака какой либо страсти; не оказываетъ пламенѣющаго жара похоти, и жала гнѣва; напослѣдокъ его слова, которыя изъясляютъ свойство внутренности, не открываютъ какого либо порока во нравахъ. Врагъ тогда наипаче творитъ пакости, когда видитъ въ насъ рождающіяся какія либо страсти,—тогда дѣлаетъ подстреканія, готовитъ сѣти. Сѣть врага есть слово наше, да и самъ онъ не меньшій противоборникъ нашъ есть: слова бо наши часто уловляетъ, и насъ уязвляетъ ими, аки собственнымъ нашимъ мечемъ. Коль сноснѣе есть погибнути чрезъ чуждый мечъ, нежели чрезъ свой собственный!

Изъ твореній св. Амвросія Медиоланскаго.

ЧЕРЕЗЪ МНОГОСЛОВІЕ ВПАДАЕМЪ ВО МНОГОРАЗЛИЧ- НЫЯ БѢДСТВІЯ.

ему же наипаче подобаетъ намъ учиться, какъ молчанію, дабы въ глаголаніи собственные мои слова не осудили меня прежде, нежели другой оправдаетъ? Писано бо есть: *отъ словесъ своихъ осудишися* (Матѳ. 12, ст. 37). Итакъ какая нужда чрезъ глаголаніе поспѣшати вступать въ опасность осужденія, когда чрезъ молчаніе безопаснѣйшимъ быти можешь? Многихъ видѣлъ я впадшихъ во грѣхъ чрезъ глаголаніе, но едва кого, чрезъ молчаніе; чего ради труднѣе есть пріобрѣсти знаніе молчати, нежели глаголати. Ибо многіе, сколько мнѣ извѣстно, вступаютъ въ разглагольствіе, не умѣя молчати. Мудръ есть кто изучилъ молчанію. Премудрость Божія вопіетъ:

Господь даетъ мнѣ языкъ наученія, еже разумѣти, егда подобаетъ рещи слово (Исаи 8 ст. 4). И такъ по справедливости тотъ мудръ есть, кто отъ Бога научень глаголанія времени. Изрядно Писаніе глаголетъ: человекъ премудръ умолчитъ до времени (Сирах. 20, ст. 7). Сего ради святіи Божіи любили молчаніе, зная, что гласъ человѣчскій по большой части бываетъ возвѣщеніемъ грѣха, и слово человѣческое началомъ прегрѣшенія. Святый Божій рече: Рѣхъ, сохранию пути моя, еже не согрѣшати ми языкомъ моимъ (Псал. 38, ст. 2).

(Оттуда же).

СТОЙТЕ ВЪ ВѢРѢ, МУЖАЙТЕСЬ.

И отверзе звѣрь уста своя въ хуленіе къ Богу, хулити имя Его, и селеніе Его, и живушія на небеси (Апок. 13, 6).

Не слышатся ли уже и теперь хульные глаголы на Господа и Христа Его? Не разносятся ли всюду ученія безбожныя, слова, направленные противъ Церкви Православной? То, о чемъ прежде страшно было и подумать, ужасныя кощунства и надругательства надъ вѣрою и святынею стали чуть не повсемѣстнымъ явленіемъ. Вотъ иновѣрный проповѣдникъ свободно устраиваетъ собраніе въ сердцѣ Россіи: онъ сзываетъ къ себѣ слушателей. Народъ вѣрующій православный идетъ на зовъ его, идетъ, чтобы найти удовлетвореніе запросамъ своей души. И что же онъ слышитъ на этомъ собраніи? А то, что будто бы Иисусъ Христосъ наша радость, наша жизнь, нашъ Спаситель—не Богъ, а простой человѣкъ, что Св. Дѣва—не Богородица, что всякій можетъ вѣрить такъ, какъ ему вздумается и т. д. Тысячи книгъ, сотни тысячъ газетныхъ листовъ разлетѣлись по нашей землѣ. О, если бы вамъ никогда не попадали въ руки эти богомерзкія писанія! Они наполнены такимъ кощунствомъ, такимъ ядомъ, что способны смутить всякаго даже искренно вѣрующаго, отравить внутреннее его сердце. А тамъ, гдѣ враги Церкви сильны, гдѣ они вполне отдались служенію исконному человѣконенавистнику, въ руки народа попадаютъ такія картины, такія возмутительныя изображенія не только Святыхъ Угодниковъ Божіихъ, но даже Пречистой Богоматери и Господа Спасителя, о которыхъ не лѣтъ есть и глаголати. Противъ хрістіанской нравственности поднять цѣлый походъ.

Враги Христа и Его Церкви тайными многоразличными средствами слятся осквернить чистоту души вѣрующихъ, лишить

ихъ цѣломудренной настроенности, ввергнуть въ омутъ страстей, а затѣмъ и въ бездну отчаянія. Являются, какъ предрекалъ Апостоль Іуда, ругатели, по своимъ похотѣхъ ходящіи и нечестіяхъ. Они отдѣляютъ себя отъ единости вѣры и суть тѣлесны, духа не имуще. Духъ ихъ—въ порабоженіи у плоти. Забывается, оставляется въ пренебреженіи все святое, завѣтное, дорогое. Люди дѣлаются рабами страстей, служатъ только грѣховнымъ влеченіямъ плоти. Въ нашей столицѣ тѣ, которые слывуть за просвѣщенныхъ и числятся православными, еще такъ недавно, когда нашъ благочестивый народъ въ религіозномъ восторгѣ прославлялъ явленіе Господа на земли, они съ животнымъ восторгомъ услаждались любострастнымъ представленіемъ. Вотъ немного, а сколько бы еще можно указать, что говоритъ намъ о современныхъ успѣхахъ врага спасенія—человѣконенавистника искони, объ отторженіи имъ отъ Христа многихъ.

Не только въ другихъ, но и въ нашей родной странѣ, когда то любящей подвигъ, проникнутой хрістіанскимъ смиреніемъ, замѣчается погруженіе въ чувственность, служеніе плоти. Невольно напрашиваются на мысль слова Господа, Который говорилъ про людей, жившихъ предъ потопомъ, что они стали плоть, и потому наказаны. Невольно приходятъ на мысль другія слова Господа, такъ близко относящіяся къ нашему времени, что какъ было во дни Ноя—люди ядыху, пяху, женяхуся, такъ будетъ и во дни предъ вторымъ пришествіемъ Сына Человѣческаго, Который явится судить племена и народы. Нынѣ Господь какъ бы говоритъ намъ, особенно намъ, Русскому народу православному, которому ввѣрено дорогое сокровище—Православная вѣра, взываетъ къ намъ голосомъ любви и состраданія: „Зачѣмъ вы оставили Меня и возлюбили то, что мерзко Мнѣ, зачѣмъ оставили Создавшаго васъ, возвеличившаго и прославившаго, забыли Искупителя и Спасителя, Который не пожалѣлъ жизни Своей, кровь Свою пролилъ для вашего спасенія, дабы вы такъ же жертвовали жизнью своею на благо ближнихъ и распинали плоть свою со страстьми и похотьми, зачѣмъ пренебрегли завѣтами Моими и послушались внушеній врага, плѣнились ученіями, которыя ласкаютъ вашъ слухъ и потворствуютъ ветхому человѣку, зачѣмъ оставили возлюбившаго васъ, вручившаго своей св. Церкви, съ ея благодатными дарованіями, съ ея учрежденіями и уставами? Не свѣтомъ ли быть для языческаго міра призванъ народъ православный, поселенный среди невѣдущихъ Христа, не зная ли истины призванъ высоко поднять, дабы попрасть враговъ правды, не для того ли возвышенъ Богомъ, чтобы зажечь огонекъ вѣры и словомъ и примѣромъ жизни въ сердцахъ заблуждающихся и невѣрныхъ, дабы и они вкусили сладости благодати Христовой? Но склоняется внизъ это священное знамя, меркнетъ

священный огонь въ сердцахъ тѣхъ, кои должны нести его другимъ“...

Вы, братья и сестры о Христѣ, душой преданные православію, мужайтесь и крѣпитесь! Скажу вамъ утѣшительное слово Христа: *не бойся, малое стадо!* Но вѣримъ, оно еще не мало, не только качественно, но и количественно. Вѣримъ, что много еще христіанъ православныхъ не преклонило колѣнъ предъ современнымъ Вааломъ.

И никогда, какъ бы ни старались враги Церкви и спасенія, не преклонятся избранники Божіи предъ противникомъ Христу.

Когда онъ будетъ дѣйствовать уже во всей силѣ, когда по-видимому должно все пасть къ его ногамъ: жена бѣжитъ въ пустыню, идѣже мѣсто уготовано отъ Бога и даны будутъ Женѣ два крыла орла великаго (Апок. 12 гл., 6, 14). Жена—это Церковь Христова, невѣста Его, ради которой Онъ пролилъ Свою безцѣнную Кровь. Звѣрь гонитъ Жену. Но ей даны два крыла орла великаго, она находится внѣ опасности отъ звѣря, она высоко иаритъ надъ всякою злобою и коварствомъ, она все дальше стремится отъ міра, а ближе къ Богу. Господь Самъ хранитъ Свою невѣсту Церковь. Онъ сказалъ: *На камени созижду Церковь Мою и врата адовы не одолѣютъ ей.* Никто, никакая сила вражія не можетъ повредить Церкви, тѣмъ болѣе разрушить ее. Церковь—стройное зданіе, имѣющее основаніемъ своимъ твердыню—Христа, камни его связаны крѣпкимъ цементомъ—горячею, непоколебимою вѣрою во Христа.

Если когда, то во время попытокъ врага повредить этому величественному зданію, открываются міру дивные камни, на которыхъ стройно наложены всѣ другія части, составляющія Церковь.

Василій Великій говоритъ, что во дни нечестія и господства ересей Господь воздвигаетъ особыхъ борцовъ—столповъ.

Онъ, св. отецъ, поистинѣ былъ однимъ изъ таковыхъ. Когда господствовали всюду аріане, когда они убѣжденіями и угрозами силились склонить на свою сторону Святителя Василія, онъ твердо держался православія: „лишите жизни; мнѣ умереть—приобрѣтеніе есть. Лишите всего—нагимъ все равно придется уйти въ землю; сошлите въ самую дальнюю страну—на всякомъ мѣстѣ владычество Божіе!“—Во время господства ереси монофелитской, когда истина Церковная совсѣмъ затмевалась отъ копоты зловредной ереси, Максимъ исповѣдникъ такъ отвѣчалъ чиновнымъ лицамъ, привлекавшимъ его къ нечестію: „если вся вселенная причастится съ еретикомъ-патріархомъ, я—никогда“. Во время иконоборческой ереси, которую поддерживали греческіе императоры, богатырями духа, поборниками правды явились Ѳеодоръ Студитъ, Ѳеодоръ начертанный и др. столпы Церкви. Около группировались, ими укрѣплялись вѣрныя Христу чада и такъ

боролась Церковь съ врагами своими безбоязненно, съ надеждою на помощь Божию. Церковь—во всѣ времена—твердая скала, бушующія волны силятся свергнуть ее; удаляясь отъ нея, встрѣтивъ сопротивленіе, онѣ съ новою силою бросаются на скалу, но отрываютъ то, что случайно приросло къ ней, и не имѣть устойчивости, а твердыня стоитъ по прежнему непоколебимо. Такъ и враги Церкви, всячески стараются разрушить ее, они отрываютъ то, что не имѣетъ подъ собою корене, кто случайно поверхностно привязалось къ Церкви, но людьми твердыни, съ убѣжденіемъ исповѣдующими св. истину, отбрасываются ненавистники святыхи и въ бѣшенствѣ отбѣгаютъ назадъ.

Св. Церковь—это дерево благосѣбнолиственное, простирающее вѣтви свои по всей вселенной. Въ немъ—жизнь Хрїстова. Дерево въ разныя времена года измѣняетъ свой наружный покровъ, но не прекращаетъ своей жизни. Церковь также: измѣняются внѣшнія обстоятельства ея жизни, но она остается цѣла и нерушима. Посмотрите на дерево осенью: желтыя листья его, лишившись жизненной силы, падаютъ одинъ за другимъ на землю; лишеныя благодати Божіей, соковъ ея, отпадаютъ отъ Церкви, а она остается жива и никогда не старѣется.

„Гдѣ Церковь, тамъ и Духъ Божій, говоритъ св. Ириней, а гдѣ Духъ Божій, тамъ и благодать. Тѣ, кои не причастны Его, не питаются сосцами матерними для полученія жизни, но изъ лужи пьютъ гнилую воду, удаляясь отъ вѣры Церкви“.

Этою-то гнилою водою довольствуются особенно современные намъ люди, гнушающіеся Церкви православной. Но какой плодъ ихъ отпаденія: томленіе духа и отчаяніе! Тяжело видѣть этихъ заблудшихъ отъ истины, удалившихся отъ источника благодати, изнывающихъ отъ недостатка свѣта и правды. Откуда взять слезъ, чтобы оплакать положеніе несчастныхъ? Врагъ уловилъ ихъ въ свои сѣти.

Братья и сестры о Хрїстѣ, крѣпитесь и мужайтесь! Врагъ присѣдитъ у вашего сердца и готовъ ворваться, если только откроете вы хотя маленькую щелочку двери своего сердца.

Удаляйтесь отъ всего, что можетъ смутить васъ, посѣять колебанія и сомнѣнія въ вѣрѣ, всячески удаляйтесь общенія съ безбожниками и нечестивыми людьми, ибо они злобны и коварны, способны вырвать у васъ изъ сердца дорогое сокровище—простую крѣпкую вѣру. Уклоняйтесь, если не тверды въ знаніи Божественныхъ писаній, отъ чтенія книгъ, противныхъ ученію матери Церкви, блюдите бисеръ многоцѣнный, дабы не расхитили его изъ вашей души воры; умножайте душевное сокровище чрезъ чтеніе слова Божія, книгъ церковныхъ, чрезъ молитву, наипаче же черезъ воспріятіе божественной благодати, въ Таинствѣ Божественнаго Причащенія, которое соединяетъ всѣхъ пра

вославныхъ во единую дружную семью, во едино тѣло подъ главенствомъ Самого Хріста.

Пожалуйте отъ сердца всѣхъ уклонившихся отъ общенія въ вѣрѣ и таинствахъ, пожалуйте сихъ несчастныхъ, лишенныхъ возможности вкушать сладости жизни въ Богѣ, не имѣющихъ великого утѣшенія сердечного. Они были съ нами, наши, они болѣютъ духомъ. Страждетъ ли одинъ членъ тѣла, говоритъ Апостоль, съ нимъ страждутъ и другіе.

Скорбь, снѣдающая сердце ваше о погибающихъ братьяхъ, забывшихъ мать-Церковь, да побудитъ насъ отъ всего сердца излить молитву о нихъ, о возвращеніи заблудшихъ въ лоно Церкви Хрістовой. „Въ объятія отчи“ Господь всѣхъ кающихся принимаетъ съ любовью. На небѣ бываетъ болѣе радости объ одномъ кающемся грѣшникѣ, чѣмъ о девяти праведникахъ. Господи, Спасителю нашъ, вонми многоболѣзненному воздыханію душъ нашихъ, спаси насъ, а всѣхъ, по наущенію врага, ушедшихъ отъ Церкви и погибающихъ по распутьямъ міра, возврати во дворъ отчій. Аминь.

Иером. Неофитъ.

Чѣмъ жива наша русская православная душа.

(Продолженіе).

III.

Господи! Какъ Ты безконечно милосердъ къ намъ грѣшнымъ! Истинно святое слово Твое: *аще и жена забудетъ отрока свое, но Азъ не забуду тебе!* Какъ дѣтей малыхъ утѣшаетъ мать, такъ и Ты въ безконечной любви Твоей снисходишь къ нашему ничтожеству, согрѣваешь насъ Твоею любовію, внимаешь нашимъ грѣшнымъ молитвамъ, какъ мать внимлетъ скорбному лепету своихъ дѣтей! Слава благости Твоей, слава милосердію Твоему! Да не въ судъ и во осужденіе будутъ намъ всѣ милости Твои, всѣ утѣшенія Твои, за наше недостойнство, за нечистоту нашу грѣховную, за нашу неблагодарность къ Тебѣ, Отче нашъ Небесный!

Прежде всего, хочу повѣдать читателямъ моимъ нѣсколько примѣровъ утѣшающей любви Божіей въ скорбяхъ человѣческихъ. Да не будутъ забвенны дѣла Божіи, ибо *тайну цареву хранити добро, дѣла же Божіи возвыщати славно есть.*

Повѣдалъ мнѣ покойный о. намѣстникъ лавры Сергіевой архимандритъ Леонидъ, (происходившій изъ рода дворянъ Кавелиныхъ): былъ у него младшій братъ, добрый юноша, пожелавшій по его примѣру поступить въ святую Оптину пустынь. Со всѣмъ усердіемъ юноша проходилъ святое послушаніе въ обители, ни отъ чего не отказываясь. Разъ онъ простудился на погребѣ и

заболѣлъ чахоткой. Хрупкій организмъ недолго боролся съ злымъ недугомъ: юноша таялъ, какъ свѣча. Во всемъ предавая себя въ волю Божію, онъ, наконецъ, слегъ въ больницу. Незабвенный авва, старецъ Макарій, навѣщалъ болящаго и предложилъ ему освятиться святымъ елеемъ. Съ радостью принялъ это предложеніе добрый юноша. Совершилось святое таинство, на главу умирающаго возложена была святая книга жизни—Евангеліе. Скорбящій братъ его, о. Леонидъ, съ вѣрою и молитвою взглянулъ на ту страницу, какая открылась въ Евангеліи, и прочиталъ:

Человѣкъ нѣкій добра рода отыде на страну далече пріяти царство (Лук. 19. 12).

Слезы умиленія оросили лицо скорбящаго: въ этихъ словахъ онъ увидѣлъ волю Божію о братѣ своемъ и возблагодарилъ Бога.

Болящій вскорѣ скончался, мирно предавъ душу свою Господу. *Юноша добра рода отыде пріяти царство небесное...*

Другой подобный случай.

Умиралъ старецъ-послушникъ въ обители преподобнаго Сергія. И надъ нимъ совершалось елеосвященіе. По окончаніи таинства, его сынъ, іеромонахъ, съ вѣрою и молитвою также взглянулъ на слова раскрытаго Евангелія и прочиталъ:

...яко лице Его бѣ грядый во Іерусалимъ...

Да, добрый старецъ, смиреннѣйшій служитель Церкви Божіей, слишкомъ 50 лѣтъ послужившій ей въ скромномъ званіи псаломщика, да лѣтъ шесть бывшій послушникомъ, теперь былъ на пути къ горнему Іерусалиму... Слова милосердію Твоему, Господи!

Вотъ и еще подобный случай.

Умирала почтенная старица, добродѣтелями украшенная, для неба созрѣвшая. Послѣ таинства елеосвященія надъ нею раскрылись слова святаго Евангелія:

Иде въ Горняя со тищаніемъ... (Слышалъ отъ гр. М. В. Толстого).

Развѣ это не утѣшительно для тѣхъ, кто остается въ сей юдоли земной? О, конечно, такія слова, какъ живительный елей, способны не только смягчить самую жгучую боль души, но и пролить свѣтлую тихую радость въ сердце за отходящаго въ иной міръ—къ Богу, Отцу свѣтовъ, дорогого намъ человѣка!

Разкажу еще случай утѣшенія отъ слова Божія въ много-скорбную минуту разлуки съ близкимъ по духу человѣкомъ. Скончался въ нашей обители старецъ, горячо оплакиваемый учениками. Одинъ изъ его учениковъ, проведя все утро у изголовья умиравшаго, не успѣлъ въ свое время прочитать рядовыя зачала изъ Апостола и Евангелія. Когда почившаго опрятали, когда отпѣли по немъ первую панихиду, утомленный ученикъ, наконецъ, вернулся въ свою келью и поспѣшилъ раскрыть дневное чтеніе изъ Апостола. И вотъ онъ читаетъ:

„Не во тѣхъ текохъ, не во тѣхъ трудихъ. Но аще и жрѣнь бываю о жертвѣ и службѣ вѣры вашей, радуясь и срадуясь вѣмъ вамъ. Такожде и вы радуйтесь и срадитесь ми. Уповаю же о Господѣ Исусѣ Тимовѣя вскорѣ послати къ вамъ... Ни единого бо имамъ равнодушина, иже приснѣ о васъ печется... Искусство же его знаете, зане яко отцу чадо со мною поработалъ есть въ благовѣстїи. Сего убо уповаю послати абїе, повнегда увѣмъ, яже о мнѣ“ (Фил. 2, 16—23). То былъ вторникъ 20-й седмицы по Пятидесятницѣ. Слова Апостола были истиннымъ цѣлительнымъ бальзамомъ на раны скорбящей души. Ученикъ принялъ ихъ въ сердце какъ бы отъ лица своего старца. И не постыдила его вѣра его: на мѣсто усопшаго былъ назначенъ преданный покойному старецъ, который наполнилъ пустоту въ сердцѣ ученика, оставленную почившимъ. И назначеніе состоялось вскорѣ послѣ 40-го дня, когда, по вѣрованіямъ Церкви, опредѣляется на частномъ судѣ Божіемъ судьба усопшаго (*повнегда увѣмъ яже о мнѣ*).

Много подобныхъ разсказовъ приходится слышать отъ людей вѣрующихъ. Живо слово Божіе и дѣйственно и доходитъ до раздѣленія души и духа. И радостью наполняетъ оно скорбящее сердце, и будитъ оно совѣсть спящую, и согрѣваетъ сердце, истомленное безпощадной холодностью людской, и животворитъ нашего внутренняго человѣка. Вспомните только, какія чудеса совершались всесильнымъ словомъ Божіимъ въ житїяхъ святыхъ Божїихъ. Прочтите житїя Антонїя Великаго, Августина Блаженнаго, Данїила Столпника, да и не перечтешь всѣхъ случаевъ благодатнаго воздѣйствїя слова Божїа на душу человѣческую.

IV.

Зашла рѣчь о смерти. Кто видалъ, какъ умирають въ простотѣ сердца вѣрующіе, Богу преданные люди, тотъ хорошо знаетъ что это за величественное, поучительное зрѣлище! Тихо, благоговѣнно, съ молитвою на хладѣющихъ устахъ, съ слезою вѣры въ гаснущихъ очахъ, съ упованіемъ на милость Божїю въ слабѣющемъ сердцѣ, съ сложенными для крестнаго знаменїя перстами или же съ горящею свѣчею въ рукѣ¹⁾ отходить въ другой мїръ православный хрістіанинъ... Да, онъ не умираетъ, а именно—*отходитъ*, какъ и говорятъ о немъ окружающіе его приснѣ, да и священникъ читаетъ ему канонъ на *исходъ* души... Не дивно, что при семъ великомъ таинствѣ смерти бывають и явленїя, свидѣтельствующїя объ открывающемся для духовныхъ очей отходящаго горнемъ мїрѣ.

Читаемъ мы въ Минеяхъ Четнїихъ, какъ иногда предъ смертью святые Божїи видѣли пришедшихъ къ нимъ небожителей—угод-

1) Если умирающій состоялъ въ бракѣ, то и свѣча зажигается *брачная*—та, какою онъ держалъ подъ вѣнцомъ: какъ это трогательно!

никовъ Божіихъ, ранѣ ихъ къ Богу отшедшихъ. То же бываетъ и нынѣ.

Умирала почтенная старица Агриппина, мать іеросхимонаха Сергіевой лавры Виктора, простая крестьянка, богомольная, смиренная раба Божія; ее особоровали, причастили Божественныхъ Таинъ Христовыхъ, прочитали и отходную. Тихо въ молитвенномъ настроеніи лежала она подъ образами на смертномъ одрѣ... И вдругъ заговорила въ какомъ-то неземномъ восторгѣ: „невѣстка! родная моя! зажигайте скорѣ лампы-то! Гости, ахъ, какіе гости-то пришли!“ И съ этими словами испустила духъ.

Кто были эти, ей только видимые гости, какъ не встрѣчающіе ея душу обитатели неба? •

Припомнился мнѣ разсказъ покойной матушки моей о праведной кончинѣ простой сельской старушки-дьяконицы. Пособоровали ее, со всѣми она простилась и стала ждать смерть, какъ желанную гостью. Лежала она лицомъ къ стѣнѣ. Вдругъ она громко говоритъ: „батюшка, угодникъ Божій! Кажется, я въ этомъ грѣхѣ покаялась“... Удивленные родные, думая, что она бредитъ, спрашиваютъ ее: „съ кѣмъ ты, матушка, говоришь?“ Она отвѣчаетъ: „да развѣ вы не видите—угодникъ Божій, святитель Христовъ Николай Чудотворецъ пришелъ и говоритъ мнѣ, что въ одномъ грѣхѣ я забыла покаяться“... И снова она обращается къ невидимому благодатному посѣтителю: „прости же меня, Христа ради, угодниче Христовъ: каюсь каюсь...“ И съ этими словами умолкла на всегда.

Значитъ: къ смиренной рабѣ Божіей, свято чтившей память угодника Божія, самъ онъ съ неба пришелъ, чтобы напомнить ей забытый грѣхъ, чтобъ помочь ей въ покаяніи, чтобъ ея душа чистою отлетѣла въ небесныя селенія... Какъ дивны попеченія святыхъ Божіихъ о насъ грѣшныхъ! О, если бы мы всегда это помнили, въ простотѣ сердца сему вѣровали и съ вѣрою къ ихъ благодатной помощи прибѣгали! Не разливалось бы такимъ смраднымъ потокомъ невѣріе по родной нашей землѣ, не осквернялась бы она кощунствами, богохульствомъ и всѣми тѣми мерзостями, какими сквернится теперь! Что бы сказали о насъ, если бы встали изъ гробовъ своихъ предки наши благочестивые? Съ ужасомъ отвернулись бы они отъ насъ!

Не могу безъ чувствъ сердечнаго умиленія и горячей любви къ моимъ незабвеннымъ почившимъ родителямъ вспомнить и разсказъ моего отца о предсмертномъ видѣніи моей матушки-страдалицы. Простите мнѣ, дорогіе читатели, что я приведу здѣсь одну страничку изъ моихъ личныхъ завѣтныхъ воспоминаній. Сыну естественно чтить и благоговѣнно вспоминать свою мать, но я могу сказать о своей матери, что это была великая въ своемъ смиреніи раба Божія—въ міру подвижница. Не ра-

достна доля простой сельскій дьячихи, но если сказать, что эта дьячиха вышла замужъ за вдовца, имѣвшаго четверыхъ дѣтей, изъ коихъ самой старшей было только восемь лѣтъ, что она едва пришла въ домъ мужа отъ вѣнца, какъ уже услышала дѣтскій зовъ: „мама!“—что она всѣхъ этихъ неродныхъ дѣтокъ такъ воспитала, что они забыли въ ней мачеху, а видѣли родную себѣ мать; что у нея своихъ было еще 18 человекъ дѣтей, что, наконецъ за 17 лѣтъ до смерти Богъ попустилъ ей страшную болѣзнь, которая медленно, но вѣрно вела ее къ могилѣ всѣ эти 17 лѣтъ, что она и тутъ умѣла только благодарить Бога-благодѣтеля: если все это вспомнить, то какъ не сказать, что она была во-истину вѣрная раба Христова-крестоносица, достойная особой милости Божіей!... Никогда не забуду я ея поучительнаго отвѣта на одинъ мой вопросъ. Часто лѣтомъ, работая въ лѣсу или въ полѣ, мы оставляли ее дома одну, иногда даже запирая ворота, когда она лежала больная. Дорогъ былъ каждый рабочій часъ, каждый способный къ работѣ человекъ. И вотъ, вернувшись изъ лѣса съ покоса, разъ я говорю ей: „думаю, вамъ, матушка, скучно бываетъ, когда мы всѣ покинемъ васъ въ одиночествѣ?“—„Когда скучать-то, сынокъ?“ отвѣтила она: „времени не вижу, какъ идетъ. Лежу въ постели да грѣхи свои вспоминаю, да каюсь въ нихъ; потомъ стану вспоминать, сколько милостей Божіихъ я испытала на себѣ; какъ вышла замужъ на сиротокъ, какъ Богъ помогъ мнѣ всѣхъ ихъ выростить, какъ потомъ васъ всѣхъ поила-кормила, и Богъ все помогалъ, нужды не видала особой... Выросли вы, радуете меня теперь, только бы на васъ радоваться, а вотъ Богъ болѣзнь послалъ за грѣхи мои, я и за болѣзнь-то Господа благодарю—слава Ему милосердому!—Такъ и текутъ часы, смотришь—и вы изъ лѣса или съ поля идете“... Такъ проводила въ непрестанной молитвѣ свои скорбные дни моя матушка.

Послѣ, поступивъ въ монастырь и читая святыхъ отцовъ, я увидѣлъ, что именно такія же наставленія болящему Андрею давалъ преподобный Варсанофій: „Богъ ничего отъ болящаго не требуетъ, кромѣ терпѣнія, смиренія, да благодаренія!“ А эту безграмотную женщину Самъ Господь вразумлялъ, какъ ей нести свой тяжелый крестъ.

И вотъ настала сырая, холодная осень 1874 года, болѣзнь приблизила къ ней и часъ смертный. Пособоровалась она, причастилась Святыхъ Христовыхъ Таинъ. Дали знать мнѣ (я уже жилъ послушникомъ въ новомъ Іерусалимѣ), что матушка плоха. Приѣзжаю. Какъ она рада была моему прибытію! Она съ увѣренностью говорила о близкомъ часѣ смертномъ; я провелъ около постели послѣднюю ночь, облегчая ея страданія чтеніемъ акаѣистовъ Спасителю и Богоматери. Наконецъ, тихо отлетѣла

ея душа къ Богу, Котораго такъ она любила и Которому всегда вручала себя и насъ.

Я спросилъ родителя: почему она съ такою увѣренностью говорила о близости часа смертнаго? Онъ отвѣтилъ:

— Ровно двѣ недѣли назадъ она видѣла сонъ и сказала намъ: „чрезъ два дня, а можетъ быть и чрезъ двѣ недѣльки я покину васъ“.

Мы спросили ее: почему она такъ думаетъ?

— Потому, родные мои, что видѣла я во снѣ, будто отъ нашего дома тянется къ церкви бѣлый холстъ, а у самой церкви растилають его двое юношей. И говоритъ одинъ изъ нихъ другому: „два аршина недостаетъ“. А другой отвѣчаетъ: „снѣжкомъ подсыплемъ“.

И дѣйствительно: она скончалась въ тотъ самый день— 1 ноября,—когда выпалъ первый снѣгъ и открылся санный путь...

Царство ей небесное!

ОТЕЦЪ ѲЕОФАНЪ.

(Воспоминанія).

Въ нашемъ журналѣ печатался дневникъ одного инока, подъ заглавіемъ: „На пути въ объятія Отчи“.

Я хочу познакомить читателей съ весьма замѣчательною личностью автора этого дневника, котораго многіе сограждане, безъ сомнѣнія, видали, знаютъ по имени, а можетъ быть иные были знакомы лично и почитали.

Дневникъ этотъ принадлежитъ о. Ѳеофану, бывшему инспектору нашей семинаріи. Среди людской суеты и сутолоки, среди жизненныхъ волненій и борьбы за всевозможныя свободы, на такихъ людяхъ отдыхаетъ усталый взоръ и находитъ себѣ отраду и утѣшеніе исполненное разбитое сердце. О. Ѳеофанъ принадлежитъ къ разряду тѣхъ немногихъ искренно благочестивыхъ людей, про которыхъ обыкновенно говорятъ: „человѣкъ не отъ міра сего“, или „это—рабъ Божій“. Не долго намъ пришлось быть знакомымъ съ нимъ, скоро онъ умчался далеко, далеко... Но и кратковременное знакомство съ нимъ оставило самыя отрадныя воспоминанія, какъ чего-то особенно свѣтлаго и прекраснаго.

Это былъ истинный аскетъ и подвижникъ. Добрый, жизнерадостный—онъ весь былъ любовь. Вся мечта его, всѣ желанія и стремленія—монастырь да келлія. На свое служеніе духовному юношеству онъ смотрѣлъ какъ на святое послушаніе волѣ Божіей... О. Ѳеофана можно было видѣть только или въ семинаріи, или въ церкви. Я познакомился съ нимъ въ день храмоваго праздника. Между прочимъ, я передалъ ему поклонъ отъ брата,

его товарища по образованію. Онъ обрадовался мнѣ, какъ родному. Сейчасъ же потянулъ меня къ себѣ въ квартиру и сталъ угощать всѣмъ, что только лучшаго нашлось у него. Мало того, онъ нашелъ гдѣ-то у себя черныя платочки, завернулъ въ него мнѣ гостинцевъ на дорогу и убѣждалъ взять ихъ. Съ тѣхъ поръ прочно завязалось наше знакомство. Я просилъ его посѣтить меня. Онъ каждый разъ обѣщалъ непременно, но ни разу не исполнилъ своего обѣщанія. Ходить въ мірскіе дома было не въ его правилахъ.

Видѣть о. Ѧеофана приходилось мнѣ не часто. Большею частію встрѣчались мы въ храмѣ Божіемъ. Въ высшей степени пріятно было смотрѣть на него во время Божественной службы. Послѣ причастія Св. Таинъ лицо его сіяло какою то неземною радостію. Молитва—его жизненная стихія. Служилъ онъ едва ли не каждый день. Если почему нибудь это неудобно было въ семинаріи, онъ шелъ въ приходскую церковь. И какъ усердно онъ молился!...

Тогдашній о. Ректоръ семинаріи говорилъ объ Ѧеофанѣ: „я желаю, чтобы подольше оставался онъ въ нашей семинаріи. Его молитвами она будетъ ограждена отъ всѣхъ золъ и напастей“. Дѣйствительно, въ его пребываніе, семинарія ограждена была какъ бы каменной стѣной. А съ его отъѣздомъ настали для нея тяжелые дни...

Чтобы ближе познакомить читателя съ этою замѣчательною личностію, я расскажу о нѣсколькихъ дняхъ моей гостьбы въ его квартирѣ.

Оговариваюсь, что я буду изображать жизнь его безъ всякихъ прикрасъ и прибавленій. Сколько могу, постараюсь представить читателю *живаго человека*.

Это было такъ. Семья моя лѣтомъ жила въ деревнѣ. Вмѣстѣ съ семьею былъ тамъ и я, но непостоянно. Служебныя обязанности заставляли меня время отъ времени возвращаться въ городъ. Моя квартира была заперта. Не хотѣлось идти ночевать въ пустой домъ. Рѣшаюсь обратиться къ о. Ѧеофану, чтобы онъ далъ мнѣ у себя въ квартирѣ временный пріютъ. Радехонекъ. Вотъ, отслуживъ праздничную всенощную, и прихожу къ нему. Онъ тоже служилъ гдѣ-то вблизи семинаріи. Я засталъ его уже въ ожиданіи себя за самоваромъ. Напились чаю. Въ самоварѣ же онъ сварилъ по яичку. Нашлась еще рисовая каша. Это—ужинъ. Долго мы бесѣдовали съ нимъ, отдались сладкимъ воспоминаніямъ своей юности... Пробыло двѣнадцать. Ну, теперь будемъ читать правило, скомандоваль хозяинъ. Завтра нужно служить обоимъ. „Читай сначала ты“, предлагаетъ мнѣ Ѧеофанъ. Стали молиться. Онъ всталъ сзади меня. Вдругъ, когда дошли до канона Божіей Матери, онъ запѣлъ первый ирмосъ, запѣлъ какъ-то восторженно, сладостно своимъ высокимъ тено-

ромъ: „воду прошедъ яко сушу“... И дальше онъ нѣлъ каждый ирмось. Получалось что-то чудное, необычное... Никогда не забыть этихъ святыхъ минутъ...

Кончилось правило. „Ну, теперь я буду готовить постель“, сказалъ о. Ѳеофанъ. Въ ожиданіи пріятнаго сна я присѣлъ. Вижу, онъ тащитъ одну рясу и разстиляетъ ее по полу. Потомъ другую. Сначала я стѣснялся спросить его—зачѣмъ это? Но вижу, что и мою рясу постигла таже участь.—Зачѣмъ ряса-то натаскала? спрашиваю.

— „Это вотъ тебѣ постель, а тутъ мнѣ“, отвѣчалъ хозяинъ.

— „У меня хоть и есть кровать, но я предпочитаю спать на полу. Тоже рекомендую и тебѣ“.

Улеглись. Долго и еще бесѣдовали. Ему нужно было служить раннюю, а мнѣ—позднюю. Въ пять часовъ утра онъ уже будитъ меня на утреннее правило. Прочитали. Поцѣловались. Онъ пошелъ къ ранней, а я сталъ ожидать своего времени. Послѣ обѣдни я возвратился къ семьѣ въ деревню.

Подобнымъ же образомъ я гостилъ у о. Ѳеофана и въ другой разъ. Пришелъ я изъ деревни гѣшкомъ, версть за шесть, въ жаркій лѣтній день, отслужилъ воскресную всенощную въ женскомъ монастырѣ и усталый, утомленный являюсь къ о. Ѳеофану. Онъ только что тоже пришелъ изъ церкви и, видимо, тоже очень усталъ. Поздоровались.

„Ну, чѣмъ я буду угощать тебя?“ спрашиваетъ хозяинъ.

Безъ стѣсненія я отвѣчаю ему: „голубчикъ, дай чайку!“

Со строгостью инока онъ возражаетъ: „не стану ставить самоваръ, а буду готовить ужинъ“. Келейника у него не было.

Я повторяю свою просьбу, ибо въ горлѣ у меня пересохло.

Послѣ долгихъ убѣжденій онъ уступилъ мнѣ, но назначилъ наказаніе:

— „Ну, я пойду ставить самоваръ, а ты на керосинкѣ вари кашу. Да смотри, мѣшай чаще, а то уплыветъ“.

Каша была наложена. Хозяинъ пошелъ ставить самоваръ, а я неопытной рукой принялся за необычное для себя занятіе. Сначала дѣло шло, какъ слѣдуетъ, но потомъ вышла нѣкоторая неприятность: каша поплыла. Безпомощный, я неистово сталъ взывать къ хозяину.

— „Вотъ, говорилъ тебѣ, что самовара не нужно; кашу бы сварилъ я самъ и этого бы не вышло“, пенялъ мнѣ о. Ѳеофанъ. Но скоро онъ поправилъ мою бѣду и каша доварилась благополучно. Смотрю, онъ достаетъ изъ кармана одно яичко и спускаетъ въ кашу, потомъ другое... Яички не безукоризненной бѣлизны... „Что ты дѣлаешь?“ говорю я.

— „Яица спускаю [вариться въ кашу; тутъ лучше, чѣмъ въ самоварѣ]—отвѣчаетъ хозяинъ.

Такъ приготовленъ былъ монашескій ужинъ и дѣло кончилось болѣе чѣмъ благополучно.

Собрали чай. Напились. Побесѣдовали. Послѣдоваль ужинъ даже изъ трехъ блюдъ, какъ разъ по праздничному. У отца Феодана нашелся еще клюквенный морсъ, изъ котораго онъ приготовилъ превкусный кисель. Это было уже легко, благодаря обилію кипяченой воды въ самоварѣ. Итакъ, яйца, каша и кисель! Чего же больше?!.. И мы оба счастливые, довольные, прочитали правило и улеглись на тоже ложе, какъ и раньше...

О. Феоданъ былъ безсребренникомъ. Разъ какъ-то онъ открываетъ предо мною ящикъ своего письменнаго стола, который у него даже не запирался. Смотрю, среди другихъ вещей, валяются два полтинника. „Что это у тебя и деньги тутъ же валяются“—спросилъ я.—„Тутъ всѣ мои капиталы“—отвѣчаетъ онъ.

— „Какъ? Третьяго дня ты получилъ жалованье и у тебя только осталось?.. Какъ же жить-то будешь?“

— „Богъ не оставитъ“, отвѣтилъ о. Феоданъ.

Единственнымъ любимымъ занятіемъ, которому преданъ былъ о. Феоданъ, была иконопись. Въ этомъ искусствѣ онъ проявлялъ несомнѣнный талантъ. Свою любовь къ этому дѣлу онъ хотѣлъ привить и своимъ питомцамъ. Съ большимъ удовольствіемъ наблюдалъ я, съ какимъ увлеченіемъ писалъ онъ икону св. великомученика Пантелеимона для семинарскаго храма. Какое высокое наслажденіе доставляло ему святое дѣло! Въ этомъ искусствѣ несомнѣнно подражалъ онъ тезоименитому вышенскому затворнику святителю Феодану, котораго глубоко почиталъ и тщательно изучалъ его творенія. Должно быть, ученикъ глубоко усвоилъ идеалы своего учителя. Затвориться въ келліи сдѣлалось жизненною мечтою и о. Феодана. Но вездѣ и всюду онъ хотѣлъ сообразовать свои поступки съ волею Божіей. Съ этой же точки зрѣнія онъ смотрѣлъ на свое служеніе въ семинаріи. Указанія свыше ожидалъ онъ, чтобы осуществить свое завѣтное желаніе

Что произошло съ нимъ, я не знаю. Только вдругъ получаю извѣстіе, что о. Феоданъ отправился уже на Аѳонъ, чтобы затвориться въ келліи и отдаться жизни созерцательной... Я слышалъ потомъ, что онъ и осуществилъ свое завѣтное желаніе.

Сначала я посѣтовалъ на него, что онъ даже не простился со мной. Но скоро мое сѣтованіе смѣнилось христіанскимъ утѣшеніемъ, что это—молитвенникъ за родъ христіанскій, что это уготованная жертва Богу.

Осуществились на немъ слова Писанія: *не имамы здѣ пребывающаго града, но грядущаго взыскуемъ.*

Гдѣ ты, другъ милый мой? Живъ ли? Здравъ ли пребываешь о благодати Божіей?..

Какъ бы хотѣлъ я повидаться съ тобой! Какъ бы желалъ насладиться твоею задушевною бесѣдой!

Не думаю, чтобы эти строки когданибудь дошли до тебя.
Прости мнѣ, если я погрѣшилъ противъ твоей скромности

*
*
*

Изъ наставленія Преподобныя Θεодоры сыну своему.

(Житіе 11-го Сентября).

Возлюби Бога паче всякаго созданія, и паче себе самого и къ Нему всѣмъ сердцемъ прилѣпись, и да не престанеши хваля Его, и моляся устами и сердцемъ, языкомъ и умомъ. Вся же твоя молитвы да будутъ съ сокрушеніемъ сердечнымъ, и слезами и воздыханіемъ. Плачь предъ Богомъ по вся дни, да вѣчнаго утѣшенія сподобишися. Послушливъ буди старшимъ, отвержися воли своея, незлобіе храни всегда, загради уста свои молчаніемъ, блюди, да не осудиши кого, ниже да посмѣешися грѣху чуждему: но видя согрѣшающаго, помолися о немъ къ единому безгрѣшному Богу, да исправитъ его и тебя отъ грѣхопаденій и искушеній вражійхъ избавитъ. Не глаголи ничтоже праздно, или скверно, или хульно: да не изыдетъ таковое слово изъ устъ твоихъ, о немже бы тебѣ отвѣтъ дать въ день судный: кротокъ же и смиренъ сердцемъ буди, всѣхъ вмѣняй во отцы и благодѣтели свои, себе же имѣй яко подножіе всѣмъ. Аще услышиши кого боляща отъ братій, не лѣнися посѣтити его и послужити ему усердно, и всякую заповѣданную тебѣ службу совершай безъ роптанія. Нищету и нестяжаніе люби яко многоцѣнное сокровище. Поминай мое житіе, егда съ тобою скитахся: что стяжахъ въ хижинѣ моей: брашна ли, или одежду, сосуды ли, или нѣкое сокровище; ничто иное точію Бога. Что бо болѣе человѣку потребно паче Бога и любви Его Божественныя? Онъ есть сокровище наше, Онъ богатство, Онъ пища и питіе, Онъ одежда и покровъ, Онъ здравіе наше и крѣпость, Онъ веселіе и радость, Онъ надежда и упованіе наше: сего стяжати потрудися, сыне мой, аще бо Бога единаго стяжеши довлѣетъ тебѣ: и болѣе о Немъ возвеселишися, нежели егда бы весь міръ приобрѣлъ еси. Печися же хранить чистоту твою, якоже нынѣ еси чистъ плотію и духомъ. Блюди, чадо мое, да не оскорбиши Духа Божія живущаго въ тебѣ, и да не проженеши Его отъ себе сластолюбіемъ и плоти угодіемъ!..

Какое богатство духовное заключаютъ въ себѣ житія святыхъ угодниковъ Божіихъ! Они жили для Бога и съ Богомъ. Какія чудныя нравы и красоты душевныя раскрыты въ нихъ! Чѣмъ пристальнѣе всматриваешься въ нихъ, тѣмъ большая извлекается польза; чѣмъ ближе ознакомишься съ ними, тѣмъ болѣе полюбишь ихъ, возвеличишь ихъ!

Н. К.

Цезарь прот. Н. Якубовъ.

Редакторъ свящ. Н. Коноплевъ.

Типографія Свято-Троицкой Сергіевой Лавры.